

Е. В. Жилинская
РЕФЛЕКТИРОВАННЫЙ ХАРАКТЕР МИФОЛОГИЗМА
В РОМАНЕ БЕНА ОКРИ «ГОЛОДНАЯ ДОРОГА»

Белорусский государственный университет, г. Минск;
alenazhylinskaya@gmail.com;
науч. рук. – А. М. Бутырчик, канд. филол. наук, доц.

В статье рассматривается характер мифологизма в романе англоязычного нигерийского писателя Бена Окри «Голодная дорога». Основное внимание уделяется рефлексивной природе повествования, что ярко выражается на содержательном и нарративном уровнях. Для выявления особенностей мифологической структуры в романе «Голодная дорога» приводится обзор трехступенчатой схемы мифа (имя – образ – повествование), предложенной И. И. Ковалевой. Результаты анализа показывают, что нарративная составляющая «мифа» в романе является первичной по отношению к имени и образу. Важную часть занимает рассмотрение роли нарратора и характера повествования, вследствие чего заключается, что рассказывание в романе «Голодная дорога» – это, прежде всего, рефлексия над природой самого мифа и его структурой. Таким образом, удастся установить, что мифологизм в романе носит метаописательный характер, а в фигуре нарратора зафиксирована попытка совместить реконструкцию коллективного мифологического сознания с постмодернистской рефлексией.

Ключевые слова: метаописание; мифологизация; мифологический образ; мифологическое имя; мифологическое повествование; рассказывание; рефлексивный характер мифологизма.

Одной из отличительных черт современного мифологизма является его рефлексивный характер. Как отмечают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский в совместном труде «Миф – имя – культура» [2], метаописание – явление немифологического сознания, тогда как для мифологического сознания характерно отождествление [2]. Отсюда следует, что любая попытка зафиксировать настоящее мифологическое мышление должна быть невозможна, так как наличие наблюдателя, фиксатора, «переводчика» автоматически противоречит отображению мифологического сознания, которое «принципиально непереводаемо в план иного описания, в себе замкнуто – и, значит, постижимо только изнутри, а не извне» [2]. Однако такие попытки предпринимаются, что, по мнению ученых, обусловлено гетерогенным характером современного мышления, сохраняющего «пласты, изоморфные мифологическому языку» [2]. Реконструкция мифологического сознания в неомифологическом романе предполагает рефлексивность, наличие сознания фиксатора или наблюдателя и часто опирается на знание философских и научных теорий, древних культур и религий.

Прежде чем рассмотреть характер мифологического повествования в романе Бена Окри «Голодная дорога», необходимо изложить схему традиционной мифологической структуры, описанной И. И. Ковалевой в статье «Миф: повествование, образ, имя» [1]. Изучая специфику взаимоотношений между компонентами внутри мифа, исследовательница исходит из убеждения, что имя является первичным содержанием мифа. Имя – это то, что различает мифологические сущности, и часто содержит в себе связь с обликом (таковы имена древнегреческой мифологии). Следовательно, мифологический рассказ «вырастает из попытки описать называемое существо» [1]. Второй ступенью является мифологический образ, объединяющий имя и облик. Имя играет основополагающую роль в ритуале, который представляет собой донарративную, образную, мифологическую структуру [1]. Опираясь на выводы О. М. Фрейденберг о том, что миф-рассказ возник для объяснения ритуала, И. И. Ковалева вычленяет трехступенчатую схему мифологической структуры: «имя – образ – рассказ». Как отмечает ученая, эта схема помогает преодолеть замкнутое описание мифа через ритуал и ритуал через миф: «Миф как имя и образ древнее ритуала и порождает его. Миф как повествование младше ритуала и порождается им» [1]. Понимание этой схемы необходимо для анализа развертывания мифологической структуры в романе «Голодная дорога».

В первую очередь, нарративная составляющая «мифа» в романе является первичной по отношению к имени или образу. Возникновению мифологического образа предшествует рассказывание, которое по факту является рефлексией над исходным событием (единицей сюжета).

Чтобы проиллюстрировать это положение, разберем процесс мифологизации образа Мадам Кото. Б. Окри показывает сначала исходное событие, бытовое и заурядное, которое не только (и не столько) повторно *показывается* через призму сознания персонажей, сколько *описывается, характеризуется* нарратором в качестве некоего явления, которое постоянно пересказывают, о чем рассказывают. Событие и его пересказы (или указание на пересказы) порождают мифологическое имя.

Миф Мадам Кото зарождается, когда один из посетителей бара отказывается платить за выпивку, женщина вынуждает его рассчитаться с ней, проявляя недюжинную силу и оставляя побежденного и опозоренного пьяницу на публичное осмеяние (исходная ситуация). До сотворения «мифа» женщина остается как бы «неизвестной» для повествования, у нее нет имени. Она фигурирует только как «мадам» (т. е. владелица бара) или просто «женщина».

В последующих главах рассказчик и все герои будут называть ее «Мадам Кото», с большой буквы.

После показа исходной ситуации, процесс мифологизирования осуществляется в плане повествования. Именно нарратор рассказывает постфактум, что событие стало элементом мифологии Мадам Кото. Миф возник из историй, которые люди, трижды приукрасив, разнесли по домам, из перешептываний и сплетен: «Her legend, which would sprout a thousand hallucinations, had been born in our midst – born of stories and rumours which, in time, would become some of the most extravagant realities of our lives» [3].

Благодаря указаниям всезнающего нарратора, читатель понимает, какое именно событие положено в основу легенды Мадам Кото. Нарратор объясняет, как это происходит: событие, обрастая слухами и превращаясь в истории, перерастает в легенду. Процесс мифологизирования описывается как явление коллективного сознания.

Важно отметить, что нарратор дает понять, что событие уже функционирует в реальности персонажей как миф. Здесь необходимо акцентировать внимание на том, как моментально растягиваются временные характеристики с помощью проlepsиса. Важно заметить, что этот «миф» имеет не единый вариант, а «тысячу» (*thousand hallucinations*). Возникает ощущение наличия большой дистанции между показом события и указанием на возникновение его вариантов в мифе. Благодаря этому, читатель воспринимает то, что описывалось двумя-тремя абзацами выше как нечто, что случилось в реальности персонажей очень давно. Этим достигается ощущение существования в романе нескольких пластов времени. Этот прием замещает концепт «древнего» времени, характерного для мифа, т. е. времени, когда герои совершали свои деяния.

Таким образом, схема развертывания «мифа» в романе «Голодная дорога» выглядит так: событие – указание на многочисленные рассказы о событии – указание на процесс мифологизации – констатация наличия нескольких вариантов мифа – возникновение мифологического имени.

Из выше обозначенных роли нарратора и характера повествования становится понятно, что рассказывание в романе «Голодная дорога» – это, прежде всего, рефлексия над природой самого мифа и его структурой.

В связи с этим необходимо остановиться подробнее на образе нарратора. Во-первых, голос нарратора неоднороден и представляет собой синкретизм индивидуального и коллективного сознания, что ярко отражается

в следующем отрывке: «People came to believe that Madame Koto had exceeded herself in witchcraft. <...> The rumours got so wild that it was hinted that her cult made sacrifices of human beings and that she ate children. They said she had been drinking human blood to lengthen her life and that she was more than a hundred years old. <...> She became, in the collective eyes of the people, a fabulous and monstrous creation. <...> The stories distorted our perception of her reality for ever. Slowly, they took her life over, made themselves real, and made her opaque in our eyes» [3].

Необходимо сразу выделить несколько особенностей: 1) в начале отрывка голос нарратора отделяет себя от других персонажей, говоря «люди стали верить», «они говорили», «некоторые настаивали». Но затем коллективное сознание вводится в модус повествования, и нарратор употребляет выражения «наше восприятие реальности», «в наших глазах»; 2) приведенный выше отрывок также интересен в содержательном плане, так как в нем отражается процесс появления мифологического образа: за возникновением мифологического имени «Мадам Кото» последовала мифологизация облика персонажа. Теперь имя Мадам Кото ассоциируется с обликом монструозной ведьмы, поедающей детей; 3) процесс мифологизации облика снова не показывается, а рассказывается; 4) диегетический нарратор не высказывает свою точку зрения, а только пересказывает слухи и сплетни, не опровергая и не подкрепляя их. Он рефлексировал над восприятием Мадам Кото, восстанавливая процесс разрушения «ее реальности», и ее превращением в мифическое существо в глазах людей.

Следующий отрывок показывает, как нарратор говорит от имени коллектива (we), который верит в созданный им миф, и одновременно рефлексировал по поводу его создания: «She incarnated all her legends into her new spirit, joined with her myths. She became all the things we whispered she was and she became more. At night, when she slept, she stole the people's energies. (She was not the only one: they were legion.)» [3]. Таким образом, реконструкция коллективного мифологического сознания (за счет синкретичной фигуры нарратора) сочетается с рефлексией по поводу мифологичности коллективного сознания.

Рефлектированный характер мифологизма в романе Бена Окри «Голодная дорога» заключается в том, что миф в «Голодной дороге» – это тот миф, который осознает сам себя, рассказывает о себе, рефлексировал о процессе своего возникновения. Само мифологическое повествование отражает процесс создания мифа и фактически использует язык своего научного описания: «истории разрушили представление о реальном образе», миф родился в «коллективном сознании людей», «событие стало началом мифологии» и т. д.

Уровень метаописания, который не характерен для «чистого» мифологического сознания, парадоксально успешно используется для его реконструкции, что видно на примере саморефлексирующего нарратора, одновременно репрезентирующего коллективное сознание.

В мифологической структуре романа «Голодая дорога» первичную и основообразующую роль играет рассказывание. Можно указать на рефлектированную природу рассказывания, обращенного внутрь себя как на содержательном, так и повествовательном уровнях.

Библиографические ссылки

1. Ковалева И. И. Миф: повествование, образ и имя // Лит. обозрение. Вып. 3. М., 1995. С. 92–94.
2. Лотман Ю. М., Успенский, Б. А. Миф-имя-культура // Избр. статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 58–75.
3. Okri B. The Famished Road. London: Vintage ed., 1992.